

ню закутке, а Д.С. сам накрывал на стол. Потом он вызвался проводить нас на станцию и ради этого случая переоделся в какой-то сюртук, застегнул его на все пуговицы, а З.А. сказала: «Митя, ты бы галстук надел — ты же с девушками идешь!» Д.С. надел и галстук и с гордым видом повел нас от дачи к станции, пропуская нас с Гелей вперед на тропинке среди сосен и вежливо раскланиваясь с теми, кто встречался по пути.

Запись и публикация
И.Ю. Юрьевой

**Выступление Д.С. Лихачева в Пражском
Карловом университете 18 декабря 1991 г.
на церемонии присуждения ему степени
почетного доктора университета**

Подготовительная рукопись

Почти четверть века назад я был в Праге на Всемирном съезде славистов, который проходил буквально за день до ввода в Чехословакию советских танков.

С этого ввода танков началась новая эра в борьбе за свободу, за настоящую свободу. И у вас, и у нас.

Первая демонстрация в нашей стране с требованием свободы прошла у нас на Красной площади именно в связи с событиями в Праге. В этой демонстрации участвовало всего несколько человек. Их было мало не потому, что все остальные боялись, но потому, что мы не знали, как их организовать, как собирать народ. Нами руководил не страх.

Напротив! Ввод танков был так ужасен, что страх пропал. Народ в транспорте, на улицах, в обычных для нас очередях выражал открыто свое возмущение. Из открытых окон в Комарове, где я тогда был, громко звучали передачи по радио иностранных станций.

В Доме творчества писателей в Комарове люди впервые открыто и громко возмущались тем, что произошло.

И нам всем было бесконечно стыдно. Чувство нашей вины нас не покидало, хотя мы ничем не способствовали тира-

нии, мы сами были жертвами тирании. Мы стыдились того, что гнездо тирании было у нас, на нашей земле, в нашей столице.

Поэтому темой своей короткой речи я избрал вопрос о том, что следует считать достоинством нации, народа.

К стране, к народу, к нации должны быть применены те же критерии достоинства, что мы применяем к отдельному человеку, к личности человека. Это мое главное убеждение.

Как мы оцениваем человека?

По уму, воспитанности, скромности, нравственности, уживчивости с другими, неагрессивности, уважению к старикам, заботе о детях, о будущих поколениях, по доброте и т.д.

Как оценивают себя государства и грубые националисты?

Как можно больше территорий.

Как можно больше военной силы, военной мощи; сильная армия, огромное число танков.

Страх, внушаемый государством.

Авторитет государства строится на архаических представлениях об «авторитете» человека, частично еще восходящих к первобытному обществу: на принципах, на основе которых выбирался вожак стаи или вожак племени, «вождь» (недаром это слово возродилось применительно к современным народам в XX веке: вождь — Сталин, вождь — Гитлер...)

Между тем авторитет страны должен измеряться не числом танков, а числом известных авторитетных университетов, числом больниц, госпиталей, хороших школ, качеством науки, музыки, живописи и т.д., трудолюбием населения, поведением населения.

Есть одно особое обстоятельство, на которое следует обратить самое серьезное внимание особенно сейчас. Это отношение к другим народам.

Мы ценим в любом человеке его дружелюбие, общительность, его понимание собеседника, вообще «другого» человека.

Но вновь образующиеся на территории нашей страны независимые государства в большинстве своем отдают предпочтение только одной, господствующей, своей национальности.

В России старой, царской, как бы к ней ни относиться, было более 300 народов, народностей, этнических групп.

И если говорить в целом, то Россия их сохраняла. Вина России была перед евреями: тех, кто не имел профессии, не имел высшего образования, держали в так называемой «черте оседлости». В высшие учебные заведения евреи принимались по определенной процентной норме (касалось это только евреев, признававших Талмуд, — не караимов и не принявших крещение).

Антисемитизма не было в русском крестьянстве и в интеллигенции на Севере страны.

Вина русского государства была перед поляками, которые должны были иметь самостоятельное государство.

Однако положение татар, финнов, кавказских народностей ничем не отличалось от русских. Знать татарская и знать кавказская признавалась — признавались их князья, как и прибалтийские бароны и графы.

Самые богатые люди в России были князья Юсуповы и эмир Бухарский. На моей памяти финны, ижора, вепсы, ингерманландцы в Петербурге пользовались таким же уважением, как и русские крестьяне.

Нынешнее несчастье с малыми народностями состоит в том, что отделившиеся государства сразу, большинство из них, становятся угнетателями своих национальных меньшинств. Не буду называть эти государства: о них знают все.

Национализм — страшное бедствие современности.

В чем его причина? В том, что народы слишком мало знают друг о друге. Не знают культуры своих соседей. Имеют самые посредственные сведения по истории. При этом в исторической науке очень много мифов, ложных представлений, фальсификаций. Да и вообще мы часто подчиняем культуру политике.

Привычка политизировать свои знания, образовавшаяся за годы советской власти (да и раньше она была), дает себя знать и сейчас.

К тому же мы чаще помним дурное, чем хорошее. Человечество *злопамятно*, а не *добропамятно*. Даже понятия *добропамятности* нет в языке.

Поэтому я на протяжении всех последних лет, когда это стало возможным, ратую за подъем культуры.

Без культуры невозможен подъем экономики, нравственности, государственного самосознания.

Для этого нужны высокие средние школы, уважение к гуманитарным знаниям, к искусствам (особенно к музыке). Сохранность наших книжных, музейных и архивных богатств. Книжки, картины, документы «говорят» даже тогда, когда молчат люди. Это посредники между поколениями и народами, между различными культурами.

Один из самых высоких показателей достоинства народа — это отношение к своему культурному наследию. Это и показатель самоуважения.

И здесь позвольте мне вернуться к тому, с чего я начал, — к Праге. Я не был здесь 23 года. Впечатление огромное. Главным образом от той деликатной реставрации, которая ведется. Сохраняется характерный облик города. Нет никаких новых зданий и изменений, которые бы нарушили дух золотой Праги.

И я вполне присоединяюсь к тому восторженному отношению к Праге, которое проявил почетный доктор Карлова университета His Royal Majesty Prince of Wales¹, принц Чарльз, книга которого «A view of Britain» должна служить главным ориентиром в современном сохранении старых городов.

В 20-е годы Прага была важнейшим русским культурным центром. И я не могу не вспомнить об этом сейчас, выступая здесь в Карловом университете. Здесь нашли себе приют такие ученые, как Кондаков, Кизеветтер, Савицкий,

¹ Правильно: «His Royal Highness» — Его Королевское Высочество Принц Уэльский.

Лапшин, Ильин, Лосский, Андреев, П.Г. Богатырев, Р. Якобсон, Ляцкий, Новгородцев, Францев, Флоровский и многие, и многие другие¹.

(Крамарж²)

Были организованы общества и институты. Низкий, низкий поклон Праге за это.

Для меня высокая честь быть почетным доктором Карлова университета. И я не могу не вспомнить, что до меня здесь получили свой докторат мой учитель академик Жирмунский и мой старший друг Роман Якобсон.

Д. Лихачев

16/XII—91

¹ Здесь Д.С. Лихачев перечисляет русских ученых-эмигрантов, в основном известных философов и историков: И.А. Ильин, о. Георгий Флоровский, Н.О. Лосский, П.Н. Савицкий (лидер евразийцев), А.А. Кизеветтер и др. Многие русские ученые были связаны с Карловым университетом в Праге. Профессорами университета были названные здесь историк Н.И. Кондаков, философ И.И. Лапшин, филолог Е.А. Ляцкий; в Карловом университете учился будущий профессор Кембриджа Н.Е. Андреев. Выдающийся лингвист Р.О. Якобсон стал почетным доктором Карлова университета (о чем упоминает ниже Д.С. Лихачев). До Второй мировой войны Р.О. Якобсон и П.Г. Богатырев были участниками известного «Пражского лингвистического кружка». Д.С. Лихачев говорит далее о русских академических институтах и научных обществах, работавших в Чехословакии до Второй мировой войны. Наиболее известным был Русский институт в Праге, который возглавляли упомянутые Д.С. Лихачевым историк П.И. Новгородцев и философ, славист В.А. Францев.

² Имя приписано Д.С. Лихачевым на полях рукописи. Карел Крамарж — чешский политический и государственный деятель, первый премьер-министр Чехословакии. К. Крамарж и его жена, русская по происхождению, оказывали значительную поддержку русским эмигрантам.